

Г.Д. Санжеев

Дархаты

**Этнографический отчет о поездке в Монголию в
1927 году**

УДК 93
ББК 63.3
Г11

Г11 **Г.Д. Санжеев**
Дархаты: Этнографический отчет о поездке в Монголию в 1927 году / Г.Д. Санжеев – М.: Книга по Требованию, 2018. – 68 с.

ISBN 978-5-458-54735-2

Настоящий очерк является результатом поездки автора в Дархатский край (Монголия) летом 1927 года по поручению Академии Наук. Главное внимание Санжеев Г.Д. уделил изучению говора дархатов и их шаманства.

ISBN 978-5-458-54735-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2018
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2018

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

А потом, после третьего дня, Ценген перекрасил пеговороную лошадь своего отца в „яблоковую“ масть и увел; слуги последнего донесли своему хозяину, что пеговороная лошадь исчезла. Отец Ценгена, догадавшись в чем дело, сказал:

— Это украл мой дурной и прескверный сын. Да совершатся его дела на славу, но пусть он навеки не имеет потомства!

Таково, говорят, проклятие престарелого родителя.

Ценген, шествуя во-свояси далее, прибыл в местность, ныне называемую — Чишкит, где он и поселился со своим табором. А затем, кочуя в местности Онгён, по эту сторону степи (т. е. к северу), Ценген отправился подыскивать себе удобные для своих стад земли. В одной местности он заночевал и во сне увидел многочисленное стадо овец и баранов, а потому, проснувшись, он эту местность назвал „Хойнйа-гол“ (долина овец); эта местность находится в 100 км от Дархатского монастыря к югу. Затем Ценген поднялся вверх и, прибывши в одну местность, стал оглядываться „туда и сюда“. В это время одна прелестная птичка прекрасным голосом запела: „Чин-чин“!

И потому Ценген реку в этой местности именовал Чишкитом, в которой он и поселился.

Вскоре его стада и табуны размножились во всех здешних долинах и горах, а прислуга возрасла до трехсот юрт и разбогатела. Но сам он оставался бездетным, — это вследствие проклятия его родителя. В отчаянии Ценген отправляется в страну Тибетскую просить у Далай-ламы предопределенного сына. Далай-лама в эту эпоху именовался Соном-Джамса.

Прибывши в Тибет Ценген поклонился Далай-ламе, поднес ему пятьсот ланов серебра, сто соболей, пятьдесят чернокрасных юфтей (sic!), двадцать лисиц и десять выдр. И сказал Далай-ламе, после того как поклонился в храме, называемом Сембрё:

— Не соизволите ли мне просить у Вас дитя!

Далай-лама, выслушав сии слова, сказал:

— По проклятию твоего престарелого отца тебе не суждено иметь много детей, но двоих тебе дать можно. Мальчика ты должен именовать Гелек, а девочку Дейжит-ахай.

И бурхан — охраняющий покой детей — дал Ценгену один субурган ие чистого золота и изображение божества, после чего последний вернулся в свою Дархатию.¹

Через год родилась девочка, которую нарекли Дейжит, а еще через год — мальчик, нареченный Гелеком. По случаю таких радостных событий Ценген отправил Далай-ламе посла с богатыми дарами. Тот принял поднесенные ему послом дары и сказал:

¹ В рассказе очевидная неточность: в начале упоминается о семи прекрасных сыновьях (братьях?).

— Мальчика сделать ламой и дать ему звание гелюн-хутукты, а девочку — монахиней!

И вот подросли счастливо мальчик и девочка у Ценгена, который, достигнув преклонных лет, скончался; скончалась и жена его.

После всего этого остались сиротами Гелек и Дейжит. К ним-то и пришел некий Цемген-Жаб, который сказал:

— Ты, Гелек, должен быть ламой, а сестра твоя — монахиней, и потому вам не подобает быть владетельными людьми, вследствие чего ваше имущество должно быть моим!

Сказав эти слова, Цемген-Жаб отобрал у сирот все их достояние: подданных, скот и т. д. Гелек, имея желание вернуть себе хоть часть своего достояния, отправился к Цемген-Жабу с богатыми дарами: пригнал несколько лошадей, поднес много соболей и белок и сказал:

— Не соизволите ли вы пожаловать мне часть моих данников, я их хочу сделать шабинарами у богдо-гегена!

В эту эпоху в Монголии только-что возрождался первый Ондургеген (ургинский хутухта), которому и доложил почтительно Гелек:

— Благоволите Вы покровительствовать моим данникам, которые расплодились благодаря предопределению Далай-ламы и стараниям отца моего. И сделайте их своими шабинарами для процветания желтой веры!

Геген принял этих данников под свое владычество, а Гелек отправился продолжать свое образование. Однажды, когда Гелек ночевал у реки Эгин-гол, какие-то люди украли у него вещи. Гелек проснувшись сказал своим спутникам:

— Это взяли наши люди.

И бросил свою соболью шапку, и поэтому местность, где это случилось, с тех пор именуется Булган-газър.¹ Далее Гелек ночевал у песочной реки, и люди, пытавшиеся его удержать у себя (ибо любили его), от него отстали. Вследствие ухода Гелека из родной земли — некто, по имени Зайчи, воткнув на острие своего ножика монгольскую грамоту, отправился пешком в Ургу и доложил о случившемся богдо-гегену.

По истечении нескольких лет богдо-геген отправил в Дархатскую землю для учета данников десять человек. И чтобы учет никого не встретил, богдо-геген отправил своих счетчиков инкогнито (в качестве купцов и торговцев). Купцы-счетчики свои обследования донесли богдо-гегену; из них последний узнал, что дела с данниками не в порядке. Вследствие чего он отправил в кошун Эрдечи-вана к Цемген-Жабу посла со следующими словами:

¹ Эта местность находится в 100 км от Хатхыла к югу; теперь ее занимает небольшая колония земледельцев-датчан, которые ведут опытное хозяйство. Эта местность под названием Булн-аршан славится по всей почти Монголии своими целебными источниками, и сюда стекаются десятки больных.

— Зачем ты скрываешь мне поднесенных данников? Верни!

Цемген-Жаб в ответ написал такие слова:

— Я их тебе передать не могу, так как они мои наследственные данники!

После этой переписки прошло несколько лет. Однажды Цемген-Жаб прибыл в Ургу к богдо-гегену на поклонение. Богдо-геген сказал:

— Тебе невозможно сделаться ламой, возврати мне данников, пожалованных мне Гелеком!

Цемген-Жаб на это не согласился и отправился к себе на родину, на запад. Но по дороге, спотыкнувшись на своем вороном иноходце об след Майтреи (мāдāрĕ), сломал себе бедро. Отправив своих слуг дальше, он взял у китайцев какое-то лекарство и стал лечиться. Потом он ночевал на перевале Сала (салāң дабā). Бедро же его явно ухудшилось; в таком положении оно оставалось в течение последующих трех лет безрезультатного лечения. Измученный своим недугом Цемген-Жаб вынужден был отправить в Тибет посла с посланием к Далай-ламе. Последний (т. е. посол), прибыв в Тибет, показал письмо одному сановнику (sic!), который и объяснил причину безрезультатного лечения и заболевания бедра Цемген-Жаба:

— Это происходит вследствие установления великого ламы и не должно заживать без его же установления. В следующем перерождении он, Цемген-Жаб, появится в дурном образе: в наказание за нынешние грехи!

Когда посол доложил Цемген-Жабу сие откровение тибетского сановника (ламы?), то он отправился к богдо-гегену, поднес ему богатые дары и со смирением сказал:

— Ныне я не смею говорить о том, что не отдам тебе твоих данников. Я их возвращаю тебе!

Богдо-геген тогда сказал:

— Вот это-то справедливо, однако ты управляй этими данниками в течение трех благодатных лет и потому ты не грехи!

Цемген-Жаб возвратился домой и окончательно выздоровел. Вот при каких обстоятельствах дархаты сделались данниками (шабинарами) ургинского богдо-гегена!

После всего этого Цемген-Жаб однажды прибыл в местность дархатского зайсана (зāсāң). Его тогда-то и поймал некий Мунке на перевале Ёру¹ и представил на расправу улятайского (улясутайского) амбана.²

Таково общее содержание исторических преданий дархатской народности. Согласно другим версиям этих же преданий дархаты в эпоху третьего

¹ Этот перевал под названием Урюк-даба на картах помечен на монголо-русской границе в 88 км от оз. Косокола к северу.

² Дархатский текст этих легенд приводится в моем лингвистическом отчете.

ургинского хутухты в порядке отбывания какой-то государственной повинности были переселены в местность Цом-болто-јорё (лежащую, по словам дархатов, в 150 км, к северу от Уланбатора), где они не смогли прокормить себя и были, поэтому, переселены обратно в свое Прикосоголье. Однако, один лама на основании какой-то старой тибетской рукописи утверждал, что дархаты переселились в Прикосоголье из хошуна Эрдечи-вана в 1687 г., т.-е. 240 лет тому назад — в первые годы династии манчжуров, и что дархаты из Прикосоголья никогда никуда не переселялись, и что в вышеупомянутой местности они не бывали.

Б. В. Долбежев сообщает нам следующие данные из историко-этнографического фольклора дархатов: „По существующему между дархатами преданию, они некогда составляли независимое княжество, которое последний дархатский правитель Делик-ноин и его супруга (?) Дейжит-ахай преподнесли в дар первому ургинскому хутухте Ундур гегену, после чего Дархатский округ вошел в состав шабинского ведомства... По некоторым сведениям, Делик-ноин и Дейжит-ахай подарили свой округ хутухте не столько из религиозных побуждений, сколько ввиду невозможности взыскивать подати с дархатов, издавна считавшихся непокорным и плутоватым (?) племенем. Делик-ноин погребен в Дархатском округе на горе Цацайн-ула и перед обном над его гробницей раз в год совершают молебствие“.¹

Таким образом вопрос о далеком прошлом дархатской народности должен быть подразделен на подвопросы:

1) Когда и откуда переселились дархаты в Прикосоголье и кто они по своему этническому образованию?

2) Когда и при каких обстоятельствах дархаты сделались данниками (шабинарами) ургинского хутухты?

Выше я уже указал, что по свидетельству старой тибетской рукописи дархаты переселились в Прикосоголье в 1687 г. Мы видели также, что по всем данным дархаты происходят из хошуна Эрдечи-вана, т. е. из местности лежащей на запад от оз. Косогола. Если это так, то, учитывая общие исторические условия Западной Монголии конца или второй половины XVII в., нам нетрудно будет связать предания дархатов с тем переселенческим брожением всех почти монгольских племен и родов, которое было вызвано долголетним соперничеством манчжуров и ойратов на исторической арене Центральной Азии, соперничеством Галдана ойратского и манчжурского императорского дома. С пресловутым Галданом связаны также и все почти родовые исторические легенды северных бурят, хотя образование многих бурятских родов, вне всякого сомнения, ни в какой связи с выступлением Галдана не стоит.

¹ Б. В. Долбежев. Дархатский округ, под ред. В. Л. Котвича (Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Русского географического общества, т. XII, в. 1 и 5).

Этим самым сказания дархатов могут приобрести характер трафаретный и потерять для собственно дархатской исторической этнографии всякое значение. Но, тем не менее, мы полагаем, что эти сказания носят в себе долю исторической истины в том смысле, что некоторые дархатские роды (а какие — мы не можем сказать) действительно оттеснены были движением ойратов.

Одновременно с вышеприведенными сказаниями у дархатов существуют легенды об их происхождении иного рода, исходящие из шаманского и, стало-быть, родного им фольклора. Считаю нужным отметить, что вышеприведенные легенды представляют из себя продукт письменного ламского творчества и восходят к какому-то сочинению, написанному в конце XVII в. (?) одним дархатским монахом на тибетском языке.¹

Шаманско-народные легенды утверждают, что дархатские роды и их шаманы происходят от знаменитого для своего времени шамана Зённок, жившего в старину у р. Тенгиса. Следовательно он является как бы собратом бурятского Буха-ноёна, но лишенным тотемистических штрихов, какими северные буряты наделяют своего мифического предка Буха-ноёна (Бык-сановник).² Дархатские старики и шаманы говорят, что их предок жил в эпоху борьбы рода хоролмей с какими-то чуждыми родами. В исторической литературе относительно упомянутой „борьбы“ указаний не имеем, повидимому эта „борьба“, если таковая имела место в истории, была местного значения и потому осталась вне страниц исторических анналов.

Точному выяснению праистории дархатской народности препятствует отсутствие у дархатских шаманов и стариков исторических сказаний относительно отдельных родов, как это мы наблюдаем у северных бурят, сказаний, пусть, окутанных дымом народной фантазии. Дархаты совершенно не в состоянии объяснить, хотя бы в туманных чертах, историю того или иного рода. Пишущий эти строки с особой настойчивостью расспрашивал дархатов самого разнообразного положения о родах: элет, харят и хоролмей; расспросы ничего не дали.

При всем этом дархаты упорно считают себя, в историческом своем прошлом, братьями урянхайцев („уйгуров“, как дархаты называют урянхайцев). Что действительно дархаты являлись урянхайцами — показывают следующие обстоятельства:

1) Дархатские шаманы призывают своих духов на урянхайском языке (хотя не всегда).

2) Дархатов своими сородичами считают „хукские урянхайцы“.³

¹ Тибетскую рукопись этого сочинения я видел в Дархатском монастыре, по использовать ее по незнанию тибетского языка, а равно и получить — мне не удалось.

² Подробный анализ мифов о Буха-ноёне я сделал в своей работе „Weltanschauung und Schamanismus der Alaren-Burjaten“ („Anthropos“, XXII, S. 944—951).

³ Г. Н. Потанин. Очерки северозападной Монголии, вып. IV, СПб. 1883, стр. 21—22.

3) Признание в том самих дархатских стариков и шаманов. Спешу однако отметить, что в „обыденной“ жизни основная масса дархатов упорно называет себя „монголами“: это уже результат исторических и социальных условий и обстоятельств.

Это обстоятельство однако не исключает возможности и того, что в состав современной дархатской народности (в основной своей массе происходящей от урянхайского „корня“) вошли некоторые элементы монгольского этнического образования, как, напр., следующие роды: элет (ойратский), харят, манжирак (бурятские?)¹ сунит (древнемонгольский?).

Динамика образования какой-либо народности, тем более народности кочевой или полукочевой, не может быть представляема в виде чрезвычайно простой картины: исследования В. В. Радлова об уйгурах обязывают нас быть очень осторожными.

Как бы то ни было, дархаты — до того как они были сделаны шабинарами ургинского хутухты — представляли „независимое княжество“, образовавшееся в результате исторической катастрофы в Западной Монголии. На то, что дархаты исторически были связаны с ойратами — указывают особенности их диалекта² (в области вокализма); во всяком случае дархаты омонголились под эгидой ойратов, которым они, кстати сказать, „предательски изменили“. „Предательство“ дархатов в эпоху манчжуро-ойратской борьбы упоминается в их же преданиях, сущность и содержание которых сводятся к следующему:

— В эпоху третьего (?) ургинского хутухты в земле Халхаской было трое витязей: Чижир, Боби и Батор, а у ойратов (у элетов, как дархаты называют „всех“ ойратов) двое — Галдан и Шара-батор. Однажды эти витязи, намереваясь сразиться, собрали кое-какое войско и встретились в местности Хан-Хукей (это наименование самым загадочным образом встречается в фольклоре всех почти монгольских племен, в частности в эпических творениях северных бурят; оно, параллельно с наименованиями „Алтай“ и „Хангай“, самое излюбленное географическое имя у монголов); войска расположились по обоим берегам реки (какой?). А халхаский Боби расположился у места, где ойраты черпали из реки воду. Когда ночью ойратский водоносец пришел за водой, то халхаский витязь пристрелил его из лука и оделся в его халат, спрятал свое копье за халат и взял ведро с водой. Затем он отправился в ойратский стан, где у дверей одной палатки поставил свое ведро. Когда Боби взглянул через дверную щель палатки, то увидел, что в ней сидит Галдан ойратский в одном нижнем белье и ест мясо и просо (будā) у северной стены. Тогда халхаский витязь обошел палатку справа налево, вынул свое копье

¹ У нижнеудинских бурят есть род мājжирāk, как я это установил летом 1928 г.

² Относительно дархатского диалекта мною приготовлена особая работа.

и вонзил его в пах Галдана. Последний, однако, этого и не почувствовал, но что-то предчувствуя сказал:

— Пожалуй я потеряю наконецник своей стрелы в борьбе с халхаским Боби. Что-то будет непременно!

В ту же ночь Шара-батор ойратский, когда умер Галдан от нанесенной халхаским витязем раны, взяв свое войско укрепился на вершине одной высокой горы. Халхаские витязи, прибывши к той горе, стали разыскивать Шара-батара. И вскоре, завидев дым — огонь среди густой рощи (шүк) — сообразили, что здесь-то и спрятался Шара-батор. Халхаские витязи подошли на расстояние, с которого возможно было видеть и узнать человека, и разрисовав на шлеме изображение Боби, подняли его на копье и стали вертеть им в воздухе. Люди ойратские, увидев шлем с изображением халхаского витязя, стали стрелять из лука; шлем, разумеется, упал с копья, и Шара-батор предполагая, что он убил халхаского витязя, приблизился к трем скрывавшимся халхаским витязям, которые немедленно его схватили и увели к своему огню, предварительно забив его конечности гвоздями. И спросили его: — Много ли у вас, элётов, прекрасных и мужественных мужей, много ли у вас войска?

— Оружие, пули, копья и сабли у нас остры, прекрасных мужей и витязей у нас очень много, — отвечал Шара-батор.

И уведши пленника еще далее, халхаские витязи стали рубить его саблями по суставам.

Тогда пленник сказал такие слова:

— Мои „цемегены“¹ вы не ставьте в таких местах, где есть предметы религиозного (т. е. буддийского) обихода!

И витязи халхаские разрубили Шара-батара, разгромили войска его, а потом прибыли в Ургу, где в монастыре хутухты из двух „цемегенов“ Шарабатара сделали ламские „флейты“. Остальные же были отосланы в монастыри „восточный“ и дархатский, где из них тоже были сделаны „флейты“.

Через несколько лет после этого в Урге поднялся разговор о походе на ойратов, но хутухта сказал:

— К чему ныне воевать!

И поход не состоялся. Вот как в ту пору, говорят, ойраты побеждали халха-монголов и только на этот раз, после двадцати четырех лет, витязи халхаские победили ойратов!

Халхаский Боби сказал после этого ургинскому хутухте такие слова:

— Когда в Урге будут всенародные бедствия — я немедленно вернусь!

Сказав эти слова муж халхаский, прекрасный витязь и победитель ойратов, исчез неведомо куда.

¹ „Цемегенами“ дархаты называют кости четырех конечностей.

В ту эпоху монголы были уже под владычеством манчжурского хана, и только к западу от Халхи были еще не покорившиеся (вернее — не подчинившиеся) манчжурам трое ойратских мужей: Саит, Чадар-ван и Амар-санан. Тогда один человек прибыл к манчжурскому хану и сказал ему:

— Эти трое (т. е. вышеупомянутые мужи) замышляют дурное: один из них хочет сделаться ханом, а остальные двое — сановниками!

И действительно, мужи ойратские замышляли план великого похода на восток, но Саит „перевернувши чувства сердца своего“ изменил своим друзьям и предался манчжурскому хану, которому открыл свой и своих друзей заговор; с тех пор этот витязь более на свою родину не возвращался. Хан же манчжурский отправил многочисленное войско с приказом изловить остальных двух заговорщиков, Амар-санана и Чадар-вана и доставить их к нему.

Первый из этих заговорщиков, собрав кое-какой отряд всадников, скакал, скрываясь от манчжурского войска, по ледяной горе на подкованном коне. Ойратский же Гомбо-Жаб, предложивший свои услуги манчжурам по поимке ойратского мятежника, догнал Амар-санана, но успел закинуть свой меч только на хвост коня преследуемого. Последний благополучно переправился через ледяную гору и, оглянувшись назад, сказал своему преследователю:

— А! Это ты элётский Гомбо-Жаб!

И выстрелом из ружья убил его коня.

Последний слез тогда с убитого коня и извлек из его трупа ружейную пулю, внутри которой оказалось письмо следующего содержания: „Когда ойраты будут разгромлены, я вернусь и сделаю налет на вас! У ойратского ноёна я оставил свое оружие, которое я возьму тогда, когда вернусь назад!“.

Это оружие до сих пор хранится у одного элётского „человека“.

А Амар-санан со своим отрядом отступил на запад от Чжунгарии, где поселился и имел семнадцать сыновей. А элёты в ожидании разгрома со стороны Амар-санана трепетали, но тот отсиживался на западе и в ту эпоху, говорят, он не был пойман манчжурскими войсками.¹

После всего сказанного хан манчжурский отправил войско и для поимки Чадар-вана, который, скрываясь, прибыл в нашу Дархатскую землю через местность Хогоргя (в расстоянии полдня верховой езды от Дархатского монастыря к западу), где до сих пор имеется, говорят, священная книга Будды. Из означенной местности Чадар-ван бежал в местность Хок (в расстоянии дня езды от того же монастыря к юго-западу), где дархаты указали ему неверную дорогу, вследствие чего он

¹ Ср. Б. Я. Владимирцов. Монгольские сказания об Амурсане (в „Восточных Записках“, т. I, Л. 1926, стр. 271—283). Кстати замечу, что мы не будем здесь заниматься „литературным“ анализом сюжета.

заблудился в земле уйг'ар'ов (уйгуров, т. е. урхайцев) и во время ночевки на перевале Турута (в 12 км от Хангинского монастыря) он был пойман войсками манчжурского хана.

И тогда человек, по имени Гулзай, сопровождавший Чадар-вана, на своем летучем коне полетел над долинами и горами, увозя черный котел с тремя ножками. В это время его увидел один дархат по имени Хара-Цедек, который пустил из своего лука стрелу. Стрела вонзилась в веревочку, которою был подвязан котел Гулзая; котел, конечно, упал на землю, а его хозяин улетел без него. Этот котел был медный и до сих пор хранится в нашем Дархатском монастыре. Нижняя сторона этого котла, говорят, уже стерлась; в этом котле „люди самой высшей руки“ (высокого положения) в старину варили на пирах мясо. Чадар-ван был отвезен манчжурами на восток и казнен.¹

Таково историческое сказание дархатов (продолжение приведенного рассказа отношения к нашей теме не имеет: говорится о том, что IV ургинский хутухта родился в стране „Летун“, и что он был привезен в Халху вышеупоминавшимся Боби, который будто бы и считается поэтом „отцом“ этого хутухты).

По версии записанного Шишмаревым сказания (несколько отличного от нашего) Дархатский край был объявлен шабинским именно потому, что дархаты оказали услугу манчжурам в поимке Чадар-вана.²

Таким образом оказывается, если верить всем этим сказаниям или придавать им значение исторических памятников, что дархаты в борьбе манчжуров с ойратами играли более или менее значительную роль, как пассивный тыл манчжуров в стане ойратов. Мы имеем основания догадываться, что дархаты, стесненные в конце XVII в. (1687 г.?) из хошуна хотогойтуйского племени натиском ойратов в Прикосоголье, имели все поводы ставить палки в „колеса ойратской истории“ и живо откликнуться на зов манчжуров, что произошло в половине XVIII в. В данном случае наши сказания не совсем точно оперируют с именами действующих лиц ойратской трагедии, путая, главным образом, имя Чадар-вана (он же Цемген-Жаб) и даты.

Кстати, за поимку Шадар-вана (нашего Чадар-вана, или, как его в монгольской литературе именуют, *Senggünjab'a*) ургинский хутухта получил от манчжурского хана почетную грамоту.³

Недоумение Вл. Котвича⁴ относительно мнения Шишмарева необходимо разрешить в том положительном смысле, что „во времена Кан-си и

¹ При изложении я сохраняю стиль рассказчика (текст см. в моем лингвистическом отчете), несколько тяжелый для русского языка.

² Известия Восточносиб. отдела Русского географического общества, т. II, 1871, № 3.

³ А. М. Позднеев. Монголия и монголы, т. I, СПб. 1896, стр. 521.

⁴ См. его предисловие к очерку Долбежева (назв. соч.).

Ундур-гегена“ происходило только переселение дархатов в Прикосо-голье, где ныне они обитают, но не объявление их шабинарами ургинского хутухты, которое, очевидно, действительно „стоит в связи с восстанием Чадар-вана“.

К тому же о последнем мы уже слышали, что он находился в ссоре с „Делик-ноеном, владельцем дархатским“. Однако ныне дархатские хранители живой старины путают все имена героев времен минувших и называют того же Чадар-вана — Цемген-Жабом.

По версии Долбежева „Делик-ноен“ считается мужем „Дейжит-ахай“, но по всем данным это не отвечает действительности: последняя являлась его сестрой, а не женою, на что указывает приставка к ее имени — „ахай“ (ахā — принцесса).

Мы должны усомниться в том, что последний „владелец“ дархатский — Делик-ноен „подарил“ свой округ с его населением ургинскому хутухте из каких-то религиозных побуждений, как передают наши легенды. Это было невозможно по одному тому, что дархаты в то время едва ли были даже буддистами, не говоря уже о фактической стороне вопроса.¹ Скорее всего Делик-ноен (Гелек — по моей записи) „выхлопотал“ своим дархатам „шабинарство“ в целях избавления от государственных повинностей и набегов со стороны ойратов, что, может быть, совпало с видами манчжуров и хутухты. Тогда же вероятно и появилось название „дархāt“, которое означает людей свободного от налогов и прочих повинностей состояния. Ныне сами дархаты это наименование объясняют тем, что когда-то в старину жило двое кузнецов (дархāң — значит и „кузнец“), от которых будто бы присвоилось всему народу означенное наименование. В связи с этим наименованием пишущий эти строки ожидал встретить у дархатов сильно развитый культ кузнечных божеств и кузнечное ремесло, однако среди них он кузнецов не нашел, как не нашел и намека на культ, встречаемый у северных бурят.

Ныне дархатская народность по родовому составу распадается на следующие единицы, которые называются — обōк, јасā:

1) харā-дархāt.	9) харāt (бурāt).
2) ухā-дархāt.	10) хорлōмā (или — хорōлмē).
3) шарнūt.	11) харā-хūлār.
4) барнūt.	12) цагāң-хūлār.
5) олēt.	13) урōт.
6) шонōт (чонāt?).	14) сūнīt (сōнīt?).
7) чжотā.	15) харнūt.
8) маңжирāk.	16) онōт.

¹ Были ученые, которые готовы были объявить буддизм единственным и основным историческим фактором Монголии (А. М. Позднеев и др.).